

Мойры русских равнин

Солдатских матерей сменили тетки. Никаких безумных инстинктивных порывов, и уже не бездна в глазах — конструктивность

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

14:49, 6 мая 2024,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

1.

Осколок вошел Паше в спину и, пройдя насквозь, пригвоздил к земле еще 7 декабря прошлого года. О гибели Паши сообщил родным в тот же день его сослуживец. Но труп подняли лишь после взятия Авдеевки, и только сейчас, в апреле, в Рудяное привозят закрытый гроб, обитый красным крепом и, кажется, слишком большой для небольшого Паши. Тем более для того, что от него осталось. Все село собралось, стоят, смотрят: мать, Екатерина Ондар, все наглаживает и наглаживает гроб, не может остановиться.

Похороны солдата Павла Жевнеровича. Его мать Екатерина Ондар в центре. Кадр съемки из домашнего архива

Мы познакомились с Павлом Жевнеровичем в день его 18-летия, 12 февраля 2021 года, за год до СВО и приговора его троюродному брату Никите Уварову — помните [историю](#) канских подростков-анархистов, которых бросили в тюрьму 14-летними? Никиту осудили за обучение терроризму; признан политузником; в тот день он продолжал сидеть в тюрьме (как и сейчас), а Паша пел и играл на гитаре Цоя, но больше молчал. Потом он [попал](#) на обложку журнала «Ле Монд» с подписью

«Поколение Навального». Он там подтягивается на канском бескрайнем пустыре на самодельных футбольных воротах и в моменте непонятно, подтянется ли. Но не разожмет пальцы — это ясно. В общем, ни туда пока, ни сюда, и выбора нет.

Это фото обозначит его недолгую оставшуюся судьбу. «В воздухе ребенок у меня завис», — скажет Катерина.

Осенью 2022-го Пашу призвали в армию. После присяги он заключил контракт, его **отправили** на СВО, где он был убит.

Но не только Паши больше не было, не было и похоронки, четыре месяца — вообще **никаких подтверждений**, все вопросы — без ответов.

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

И вот из воздуха материализуется гроб в сопровождении военных и детей — от формы Юнармии им достались, по всей видимости, только красные береты. Под ними тощие,

угловатые подростки в костюмах «Абибас», белых носках и туфлях. Несут венки и флаги над весенней деревенской грязью, перепрыгивая лужи.

Проходят завершающие ритуальные обряды. На гробе армейская фуражка и российский флаг, на флаге лежит портрет Паши в рамке под стеклом, в стекле как в темной воде отражаются лица склоняющихся над гробом. Главным образом девичьи, женские. Мужская часть родни (два двоюродных брата, дядя) и односельчан подходящего возраста — на СВО. Или на вахта. И *** (СВО) в разговорах если и звучит, то как вахта. Как неизбежность, отсутствие выбора, тяжелая работа, от которой не сбежать.

Звучит гимн, бабушка не в силах подняться, военком отдает честь, глядя прямо перед собой в серый воздух. Траурный митинг, посвященный погребению ефрейтора Жевнеровича Павла Владимировича, объявляется открытым. Зачитывается биографическая справка.

Из сельской толпы поправляет резкий голос: «Не Владимирыч, а Викторыч». Все шикают на подавшего голос, военных не сбить, им лучше знать. (Павел был Владимировичем; отец его все время был на вахта, погиб вскоре после развода с Катей: вылетал на мотоцикле на шоссе, машину пропустил и по газам — а та была с прицепом; следом умерла мать Владимира, бабушка Паши, в чьем доме он рос.) Замглавы Канского района Сергей Макаров, не снимая шапки: «Солдат погиб на поле сражения, преследуя единственную цель — освобождение Российской Федерации от недругов, которые посягли на нашу свободу и неприкосновенность» (дословно). Потом слово держит глава сельсовета, тоже кратко. Потом полковник, военком Канска и Канского района: «Павел сделал свой выбор между

либо я, либо родина. И сделал свой шаг. Шаг в свое бессмертие. <...> И как миллионы наших предков, отдавших жизнь за то, чтобы существовала Русь, Россия, земля русская, он положил жизнь на алтарь победы».

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

Кате становится совсем плохо. Ее усадили, но она близка к потере чувств или уже. Ее поддерживают, отпаивают — вливают.

И вот все сказано, завершает снова гимн, и при первых звуках Катю словно подбрасывает, она встает и идет к гробу. К гробу с невидимым тем, что осталось от сына. Поднимается с помощью других и бабушка.

Катя все продолжает водить ладонями по красному крепу, наглаживать его, точно это последний оставшийся рефлекс, точно собирает что-то под ладонями, отдает последнюю ласку уже далекому от нее сыну.

Все стоят и долго смотрят на это, включая военкома. Просто смотрят и молчат. Женщины всхлипывают. Девочки плачут. Самые родные и близкие подходят и тоже возлагают руки на гроб. У Паши остались три сестры и младший брат Ярик. Ему 13 лет. У самой Екатерины — 9 братьев и сестер. Это только родных. То есть у Паши только по матери 9 дядьев и теток.

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

Юнармейцы сворачивают флаг с гроба, военком передает его матери «на вечное хранение». Гроб перевозят недолго постоять у дома, на улицу Победы. Мать продолжает гроб наглаживать, шептать. Теперь ее поддерживает сам военный комиссар, тихо что-то ей говорит, долетает порывом ветра: «Он уже в раю».

Процессия шагает на кладбище, впереди на телеге с лошастью едет мужик, кидает под ноги еловые ветки и красные гвоздики, бегут также две маленькие собаки, черная и рыжая. Мимо пустых, частично руинированных, домов, разбитых окон. На погосте все ищут по карманам мелочь, передают друг другу — здесь прежде горсти земли в могилу кидают монеты. Производится воинский салют залпами из автоматов: солдатики, стреляя, закрывают глаза, бабушка вздрагивает и

чуть не падает. Венков, корзин, ваз, живых и мертвых цветов много, ленту на венке ветром поворачивает так, что видно только одно слово: «Брату».

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

Ярик смотрит остановившимся взглядом куда-то внутрь себя.

Брат III. И это никакое не прогнозирование, это констатация факта. Ярик пойдет туда же, если к тому моменту не закончится, — они все так, мальчики в его роду, уходили. Они говорили: так брат там, а я что?

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

2.

7 января, когда я приезжал в Рудяное (уже месяц поискам Павла), младшая сестра Екатерины, для Паши — тетя Таня, сказала о выборе своих племянников подписать контракт и пойти на СВО:

— Я не осуждаю. Пошли — молодцы. Значит, мужчины. Решение мужское я поддержу в любом случае. Идут они, не идут, что же, я буду за них. Я должна уважать их выбор. Мы поддерживать должны. Я не осуждаю никого, кто что ни делает, прячется, не прячется. Поддержка все равно нужна в любом случае. Они этого ждут, на это надеются, что их кто-то любит, верит в них и ждет. Это самая большая поддержка для них. Поэтому отворачиваться не стоит, если они даже сделали такой выбор.

Татьяна, тетя Павла. скриншот, съемка «Новой»

— Ну вот Ярику 13 лет. На что надеяться? Что все закончится ко времени его призыва?

Катя молчит.

— А моему сыну 12 лет, — говорит Таня. — И я хотела бы его видеть военным, а он — нет, хочу строителем или компьютерщиком.

Теперь молчу и я.

Наверняка вы слышите и более непостижимые высказывания от матерей, тетей, бабушек; мне, например, не получается забыть, как в начале частичной мобилизации женщина, провожающая в воинский эшелон и сына, и внука, [благодарила](#) «Единую Россию»: «Помогла собирать мужчин в дальний путь». Так что речи тети Тани — почти ангельские, если учитывать фон, если иметь в виду свирепость, транслируемую тетками из телика. Их стало много, они везде, их видим ежедневно — железных леди, теток с серебристым алюминием в голосе. «Прежде думай о родине». Это психотип и типаж социальный,

повсеместное, во всех слоях и стратах. Это системообразующее. И это «от Москвы до самых до окраин». Окраиной, по их пониманию, должны стать Одесса и Львов, а то и Брюссель.

Похороны солдата Павла Жевнеровича. У могилы младший брат Ярик. Кадр съемки из домашнего архива

Все мальчики во всех семьях в Рудяном, в других селах вокруг Канска, в самом Канске, с кем я знакомился в последние годы, как началось дело подростков-анархистов, воспитывались без отцов. Кто рос так изначально, у других родители развелись недавно, и лишь у одного появился отчим (но отношения сложные). У части отцы умерли, у кого живы, пусть в разводе, живы так, словно их и нет — на вахтах. Теперь вот еще и на СВО. Мальчиков тут воспитывают женщины. И так — уже очень давно. Десятилетия.

Редко у кого в графе «отец» не прочерк. Мужчин нет физически. Раньше уходили служить по контракту на таджикско-афганскую границу, до этого был сам Афган. Сгорали от технического

спирта — в 90-е и начале нулевых им тут заливались все окрестности. Две чеченских войны.

Но можно и еще дальше, еще глубже на десятки лет заглянуть. Из письма писателя писателю, В.П. Астафьева — А.М. Борщаговскому, это май 1968 года (а в письме отсылка к рассказу Солженицына, написанному в 1959-м), деревня Быковка (Пермский край):

«Моя деревня Быковка состоит из десяти домов, и здесь все есть, как во всяком русском селе: одна дура, одна припадочная, одна *** (слишком доступная женщина), один современный куркуль. Всего по одному, а вот Матрен наберется десятков, потому что в эти десять быковских старых-престарых изб не вернулось с войны 16 мужиков. А кто же возьмет замуж таких изработанных, некрасивых, неразвитых баб? Вот они и ворочают землю. Одни таскают вязанки сена из лесу тайком, а потом наварят браги, да как напьются, да как запоют хриплыми голосами про Марусю, которая отравилась «от проклятой, от любви», так важно сердце кровью и обливается, и хочется обнять их, этих баб, и к сердцу прижать да нареветься вместе с ними по-бабьи, громко, с припевом, и обласкать их, а заодно и себя тоже...»

Молодому читателю, возможно, надо пояснить, что у солженицынской Матрены «муж не вернулся с войны, похоронного тоже не было, детей у нее было шестеро и один за

другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило».

И что, Матрена Васильевна обратилась ныне в пропагандистскую фурию в телике, в комиссаршу в кожаной тужурке, в горгону, в эринию?

Нет, конечно. От неочевидной праведницы Матрены никто не остался, девочка Кира была у нее приемной, и у нее судьба тоже не сложилась. В том-то и дело, что Матрен хоть и много (как отметил Астафьев), но такая была одна. И искать ее черты в нынешних смысла нет. Хотя, наверно, столь же чистые души, безусловно, есть, как без них. Просто этот тип не на виду.

Но чтобы не быть людоедом, обязательна ли святость?

Сегодня власти закрепляют «положение лещей», безотцовщину, расход народа ([данные](#) 2017 года уполномоченного при президенте по правам ребенка: в почти каждой третьей семье детей воспитывают матери-одиночки) — например, свердловский [омбудсмен](#) Татьяна Мерзлякова высказалась: повышение призывного возраста до 30 лет нужно, чтобы на службу приходили мужчины, успевшие завести ребенка, а не то погибают те, кто детей не оставил. О судьбе ребенка, оставленного отцом вот тут, в этой реальности, омбудсмен (!) Мерзлякова не сказала ничего.

Братья Паша, Никита, самый младший Максим, ему еще нет 18. Фото А.Китайцева — для «Новой»

Паша, призванный в его 19, убитый в 20, и девушку-то постоянную не успел найти.

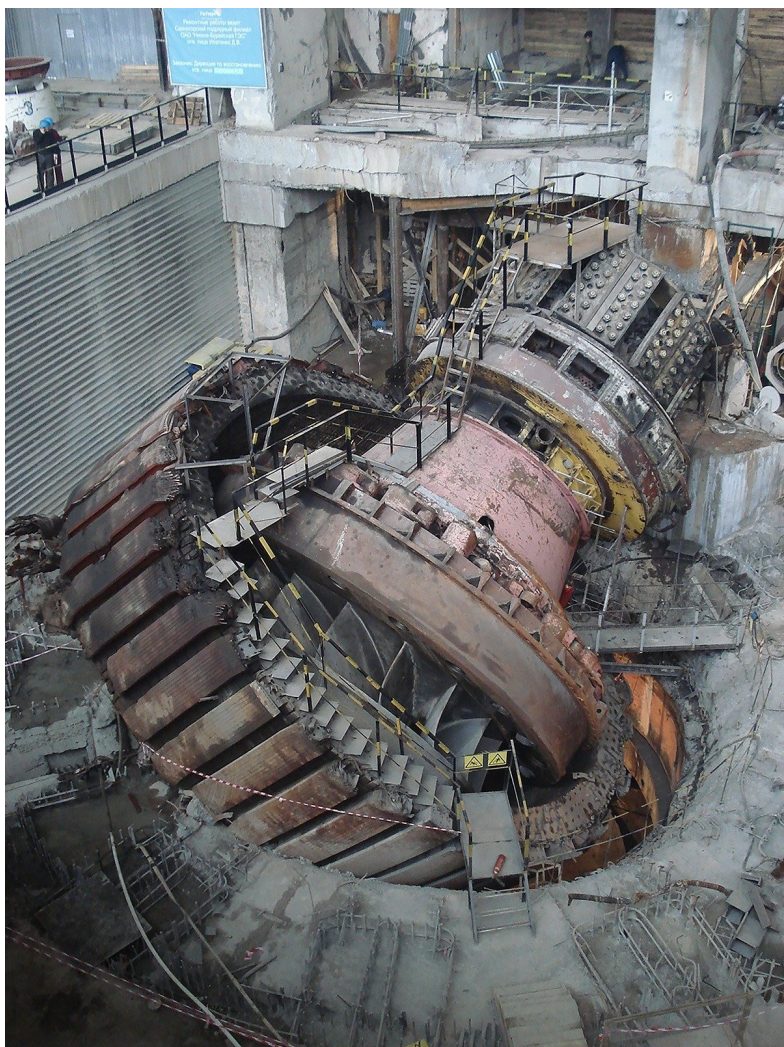
А брат его Никита, вполне вероятно, не загремел бы в тюрьму, если б не тетки из школы. Если б не та характеристика, что дала ему классная.

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

3.

В 2009-м, вскоре после катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС (75 погибших), на меня сильно обиделись за «теток». Тогда единственный раз за все годы в профессии воспользовался услугами приглашающей стороны — иного шанса попасть к разрушенной турбине не было. «РусГидро» (компания-собственник гидростанции) все самостоятельные поползновения пресекала, и вот она же организовывала пресс-тур. Микроавтобус из Красноярска, встречи со всеми главными спецами, экскурсии — всюду, по всей станции снизу доверху.

После катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС. В машзале. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Ну и вот, ничто написанное мной в итоге гнева «РусГидро» не вызвало. Лишь одно: дамы из открытого «РусГидро» центра соцподдержки страшно возмутились тем, что их называли тетками. Они тогда как умели радели о земляках: рассказывали

прессе о «синдроме детдомовца», настигшем подведомственный народ. Приходят, дескать, вот тем вы квартиру приобрели, а мы чем хуже, у нас тоже погиб папа (мама, муж, жена). Оксана Осинкина, руководитель психологического центра, открытого после аварии: «Я, как психолог, хочу сказать, что гораздо здоровее для человека говорить, что я вышел из этой ситуации, я здоров, я справился. Если вы говорите: я пострадал, тем самым вы эту ситуацию оставляете при себе, не прорабатываете ее, не изживаете. Со всеми вытекающими последствиями. Я справился — это установка психически здорового человека».

О дивный новый мир. Работать, не приходя в сознание. Когда мы только достигнем идеала.

Психологи во главе с Осинкиной боролись со слухами о катастрофическом обледенении, трещинах, паводке, который плотина будет не в состоянии пропустить. Боролись со страхом. «Дело не в том, что происходит на ГЭС, а в том, что творится внутри нас. Дело не в событиях, а в личностных особенностях. Людям с повышенной тревожностью нужна постоянная информация для подпитки тревоги. Так рождаются и циркулируют слухи. Не будь этих событий, найдется что-нибудь другое. В значительной степени это следствие семейного воспитания. Если мама тревожна, то и ребенок вырастет таким».

Вопрос о том, что люди не боятся, они просто — после стольких лет лжи — не верят успокаивающим интонациям, не рассматривался. А люди действительно не верили. И не могли уехать из-под плотины: некуда, не на что, нигде не ждут.

В итоге, напомню, договорились до того, что представители государства, убившего 75 граждан, обвинили их самих в том, что они были недостаточно независимы и обеспечены, чтобы уйти с работы, вынуждающей играть со смертью.

Саяно-Шушенская ГЭС. Ноябрь 2009. Ликвидация последствий катастрофы. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Если составлять рейтинг бесчеловечности крупнейших российских корпораций, всей той мерзости, что упаковывается в понятие корпоративной культуры, уничтожая человеческие честь и достоинство, безусловно, «РусГидро» далеко не в лидерах. Там все тоньше, изящнее. Но тетки — те же.

Подручные партии и правительства. Или даже впередсмотрящие. Что увлекают за собой не только общественность, биомассу, хозяев своей необъятной родины и плательщиков пеней — но и саму партию и само

правительство.

Это диалектика. Кто впереди — Кремль или донные обитатели, глубинные слои?

4.

Евтушенко в 1982-м в «Маме и нейтронной бомбе» так описал этот тип — это была учительница: «с младенчески ясными спортивными глазами, / с белыми бровями / и белой щетиной на розовых гладких щеках, / похожая на переодетого женщиной хряка». Здесь прозрачная отсылка к «Свинье матушке», но за цитирование полемики Розанова и Мережковского (или Блока о том же) от объекта дум и метафор может теперь прилететь непредсказуемое. Это же не Ильина цитировать.

Та учительница на станции Зима — не только чужая тетка. Она и мамка чья-то. И бомба одновременно.

Тогда же, в 82-м, Сергей Стратановский написал:

*Пиршество матерей
Богатырш на кургане,
в броне до бровей
В рукавицах могучих,
душивших поганых детей
Богатырши-Микулишны
пьют, а не плачут
А придут супостаты —
в атаку поскачут
На конях в рукопашный
без страха, сомнений и мук
И заплачет зазряшный
сопливый малыш Почемук.*

Примерно тогда же, в 1983-м, к нам в 10 «А» [пришел](#) на политинформацию Б., преподаватель истории партии в

машиностроительном институте, и очень ему не понравилось, как мальчики класса реагировали на новости об обострении военно-политической обстановки (ну да, дурацкие реплики звучали вроде «Бог дал — Бог взял») и призыв всем подписать аккуратно написанное секретарем комсомольской организации школы письмо Рейгану (на русском). С каким-то непонятым смехом дети говорили, что наш лучший вклад в борьбу за мир — пятерка в дневнике. А один зазряшный сопливый малыш Почемук и вовсе негромко предложил улечься на дорогу, ведущую к высшему военному авиационному политическому училищу (готовило политруков в ВВС). Ну — мы же против войны! Б. назвал 10 «А» политически неграмотным и пожелал после уроков отдельно выслушать мужскую половину класса, будущих защитников родины, что скажут они в свое оправдание.

После уроков пошло-поехало, Б.: о героизме ребят, на год-два вас старше, выполняющих интернациональный долг в Афганистане, обеспечивая и ваш спокойный сон, учебу; о тлетворном влиянии западных радиоголосов; он не верит, что вы так можете думать, и т.д.

Ну что вы молчите? Один из нас, по слогам назвав Б. свою фамилию, сказал, что старшее поколение перевоспитывать трудно, поэтому Рейгана нужно оставить в покое, ничего ему от имени нашей школы больше писать не стоит, нужно сосредоточиться на героях наших дней и завтрашних. Развернуть агитацию. Настропалить девчат не выходить за военных замуж. Вот основной контингент женихов в нашем городе — курсанты уже упомянутого военного политического училища. Если мы дружно скажем: подруга, остановись, не давай...

Отлично помню, что никакой уверенности в нас, что поступаем, как надо, — не было, кто прав — никто не знал. Шепнул бы кто, но некому. И мнения среди мальчиков разделились. И столь же

отлично помню, что раздражало больше всего в том преподавателе истории КПСС. Его представили как ветерана войны (и он не возражал), у него на пиджаке — орденские колодки, но ни по возрасту, ни по облику под ветерана Б. не походил. Их, настоящих, тогда еще было много, мы все их знали в обыденной жизни, видели, говорили с ними, жили бок о бок. Дедов я не застал, но вот трое старших братьев моего отца, хоть и израненные, вернулись. Мой любимый дядя Толя о войне не говорил, даже когда выпивал. Когда он выпивал, он непременно делал мне из каждой водочной пробки жирафов. Водку тогда укупоривали «бескозырками» — из плотной алюминиевой фольги с язычком, вот этот язычок, потянув за которой сосуд открывали, становился мордой жирафа, алюминиевую изящную шею образовывало круговое изящное движение пальцев вокруг бутылки, хлебный мякиш становился жирафьим брюхом, четыре не сильно горелых спички, в брюхо воткнутые — ногами. Жирафы выгибали шею по-лебединому, становились знаками вопроса, что вырывались из книг, газет, тетрадей на оперативный простор, а вот с ответами всегда были проблемы. И мои дядья, и другие солдаты-окопники помочь нам с их поисками не спешили.

У Б. были все ответы и твердое намерение разобраться с нашей неблагонадежностью. Впрочем, быть может, мне тогда так казалось, все это юношеский максимализм, да и Б. успел на войну и формально ветераном был по праву. (СВО — совсем не та война, ничего общего, но, скажем, артистам, выезжающим туда с концертами на определенный срок, тоже дают удостоверения участников спецоперации.)

Короче, Б. ушел и вернулся на следующий день, как говорят, уже с инструктором райкома, а нас начали прорабатывать. Припомнили все: курение в школьном туалете, собаку, которую мы водили с собой на уроки, политически неверную стенгазету («народ, полагающийся на мнимую мудрость шестидесятилетних старцев, безнадежно выродился» — было в

т.ч. написано в ней из Олдингтона, выпущенного советским издательством в 1976 году миллионным тиражом, а состав Политбюро того времени напоминать не буду, и гонка на лафетах уже началась). Возражения вроде того, что речь и у Олдингтона, беспощадно критиковавшего мир капитализма и чистогана, и у нас — о Древнем Риме (а вы что имеете в виду, неужели?), не каналы.

Вот тогда впервые и предстал перед нами, сопливыми Почемуками, этот типаж требовательной, с железом в голосе и взоре родины-матери. Завуч по учебно-воспитательной работе (или к тому моменту уже директор школы?) Елена Константиновна Кулакова.

Школа 32 Кургана. Е.К. Кулакова. Фото: Курган и курганцы (КиК)

Она не была зверюгой, она была именно что прекрасным, на своем месте, учителем математики, известным в городе человеком,

всегда окружена любящими ее учениками. В общем, не этот с круглыми глазами Б., и, вероятно, именно поэтому так на нас подействовало... Она говорила о нас уже в третьем лице, она нас вычеркнула.

Эти модные мальчики, они не наши, двуличные. Вот они и проявили свое гнилое нутро. Павлины, мухи-однодневки. Бунтари, бунт ради бунта, говорила она. Мыльные пузыри, самомнение одно, избалованные. Плохо кончат.

Ну да, она была права. Теперь-то ясно.

И все верно она говорила. Но кому и в каких обстоятельствах?

Уже понятно было, что всем нам скоро в армию, что поступление в университеты-институты больше отсрочки не дает, в наш город, как и в другие провинциальные города, шли и шли гробы из Афганистана. И что? Да раздавить гадину, и все тут.

Потом, спустя годы, Горбачев вернет всех студентов из казарм, прекратит практику призыва студентов-очников, выведет войска из Афганистана. И Горбачев, и его генералы и не его, и даже путчисты в 91-м пожалеют это поколение, не передавят танками. Но это все будет потом, а пока маятник был на другой стороне.

И сейчас помню ее задушевную интонацию, ее располагающую улыбку, как она с прической накрученной, в этом своем платье в горошек (по особым дням на нем появлялся орден Ленина) шествовала, припадая на одну ногу, но непоколебимо, триумфально — сама советская власть, и говорила, говорила. Она стояла над моей отрубленной головой как Юдифь — в те

далекие времена к пятисотлетию Джорджоне вышел блок (мы же тогда собирали марки!), на нем фрагмент без отрезанной головы Олоферна. А на конверте первого дня была картина полностью, с поприем левой ногой Юдифи той башки. Если вы не знали, откуда у современных девушек при фотографировании рефлекторно выставляется немного вперед нога, правая или левая, да так, будто она одновременно притопывает ею и давит какого-то гада, — то вот. Давит просто по праву женщины-матери-державы-родины-мироздания. На них, женщинах, все стоит, ими все держится. Мужчина — часть экспериментальная (вперед, со всей отвагой и геройством, а что там — бог весть), они же — закрепляющая, консервативная.

5.

Недавно нашу школу (теперь гимназию) называли ее, Кулаковой, отличника народного просвещения, заслуженного учителя, именем. По делу, справедливо. Я без иронии.

Разумеется, не одна Елена Константиновна тогда примерялась сыграть в футбол нашими оторванными головами — к ней подключались. Это всегда дело сестер, это всегда безжалостность, уверенность, исключительная мотивированность, «ясные спортивные глаза учительницы физкультуры».

Три сестры, мойры ли, грайи, горгоны, а то и вовсе эринии, почтенные, они же фурии, вся эта мифология, весь этот bestiary не просто же так описан и классифицирован.

Класснуха добавляла. Но она и нашла предел.

Может, он нашелся оттого, что в нашем классе [училась](#) и внучка

первого секретаря обкома — Филиппа Кирилловича Князева, школьного учителя и фронтовика с осколком у сердца, в сантиметре от перикарда (ему запретили подходить к устройствам с магнитами). Он был политруком, но стрелковой роты, то есть — в окопах. Как все лично знакомые мне фронтовики, он был мягким к детям, они все почему-то детей жалели.

И вообще в СССР, пусть фарисейски, исповедовали гуманизм.

Ведь это именно он: бабушку мою, бабу Полю, таскали в 1943-м в НКВД. Почему ваш сын Виктор ушел на фронт малолетним? Он работал на литейно-механическом с 14 лет, с 1941 года, а в 16 — убежал на фронт.

Но с фронта Витю не вернули. В летной части служил до конца войны, как кончилась, в день его 18-летия, подарили аккордеон. С документом, что он купленный. Выгнали из войск уже после войны — сильно болел.

Перед тем, как уходить в армию со второго курса университета, я прилетел из Свердловска в Москву и покрестился там, где до этого крестили весь мой род по отцу — в Волоколамске, в одном из самых строгих и древних из действовавших на тот момент храмов России — Рождества Богородицы на Возмище. Ему века, Иван Грозный с Малютой Скуратовым уже видели его каменным, он старше их, и православие 1985 года в редакции служившего в том храме попа еще не объединяло, как сейчас, необъединимое, Христа и государство, Христа и родину, Господа, Путина и Отечество. Хотя, не исключая, это мне сейчас так кажется, и такое частно-государственное партнерство уже и тогда пиарили.

Храм этот в двухстах метрах от нашего родового дома. И крестными стали тетя Катя и дядя Толя. Тот самый, что делал мне жирафов.

Волоколамск отбит у немцев 20.12.1941. Улица Советская, где стоит родовой дом Тарасовых. Фото: соцсети

Немцы взяли Волоколамск 27 октября 1941-го. На Волоколамском шоссе происходили главные тогда на планете события. Ну и лично для меня главные: 1 ноября 1941 года в овраге тетя Катя встречала свой седьмой день рождения с моим отцом на руках. Ему был год. Их брату, дяде Толе, уже было 17. 26 декабря 41-го, сразу после взятия Волоколамска обратно, его призовут в войска, и он с тремя ранениями пройдет до Берлина (за Толю мать в НКВД не таскали).

Естественно, никакой пропагандистской трескотни от них. Никакой и никогда. Уж тем более ментального насилия, как это назвали бы сейчас. Вообще никакой требовательности. Если уж что и проглядывало, так это вполне критичное отношение что к советской власти, что ко всем за нею последовавшим. Тетка рассказывала мне о событиях задолго до моего рождения: соседний двор купила московская семья под загородную дачу, какой-то партийный начальник, пили водку, гуляли напоказ,

скандалили, вырвавшись на воздух, и жена начальника с наслаждением его белый костюм и жирные щеки мазала свеклой, малиновым вареньем, брагой заливала. Голосила: «Коммуняка проклятый!» Тетка рассказывала это мне так, что было видно — она хотела бы оказаться на месте той бабы.

Екатерина Егоровна Тарасова. Фото из семейного архива

Она, Катерина Егоровна, была красавицей, много кто сватался, но жизнь прожила незамужней и бездетной, все братья-сестры разъехались, а ей — оставаться с родителями. Лишь на старости лет сошлась с бодрым интеллигентным дедком. Но у нее, как и у многих, так похожих на Матрену Васильевну обстоятельствами жизни и отношением к ней, присутствовало ощущение неразделимости с государством, и в основе личности — все та же неистребимая крестьянская община, артель. Это из подсознания шло, потому что нигде общинности и артельности

в реальной жизни уже не было. Но она живехонька там, в глубинах, и успешно наследуется — все ее устои, круговая порука, понимание, что народ выше человека, что личность тогда чего-нибудь стоит, когда служит России. И надо стоять за своих, быть со своими.

Это еще от боли. От боли при оглядывании назад — на свою жизнь, на жизни матерей-отцов, дедов, на весь этот бесконечный трагический абсурд. Это все требует оправдания, поэтому вот: родина превыше всего, меня и тебя, и всех нас.

Отсюда один шаг до безумия всех этих сегодняшних теток, требующих идти до конца, требующих еще больше ада и крови. И ради этого не жалко ничего и никого.

Это вообще-то обратная сторона святости солженицынской Матрены, ее безответной приверженности общине, коллективизму. Ни с колхоза, ни с соседей, на кого она горбатилась, она не брала ничего. Да и «родное» государство пенсию ей не платило. И погибла ни за что, за чужой шкурный интерес.

Но она сама полегла, а не других полечь агитировала.

Про «крестьян», «общинников» (давно уже ненастоящих) и говорить нечего. Они «добром» — это слово Солженицын берет в разрядку — называют имущество, и лишь его (а не жизни) терять — перед всеми — постыдно и глупо.

И деньги, которые сейчас получают за погибших сыновей, эти невиданные тут деньги придают происходящему нормальность и осмысленность.

И во всем этом, кажется, нет ни намеренной лжи, ни заведомого зла, просто сама по себе холодная, ровная жизнь. Совсем недалеко ушли от биологического существования, участия в земном круговороте на правах щепок, щепок под колесами, от доморального повседневного выживания, когда все равно, какая власть и что она делает с сыновьями.

А когда в России (не в Москве) было иначе?

В армии, уже перед дембелем (в 1987-м) — в дивизионе нас было трое, призванных из Свердловска, — подговорили в качестве строевой песни горланить эпиграф к «Разлуке», альбому «Наутилуса»: «Разлука, ты разлука, / Чужая сторона. / Никто нас не разлучит, / Лишь мать сыра земля». Нам казалось, что эта весть с нашей родины, эти слова, всем были близки и понятны без объяснений, в т.ч. и грузинам, и узбекам, и азербайджанцам, и молдаванам. Мать-земля, крепкое соединение рождения и смерти, родины-матери и отчих могил, твоего персонального пути — откуда и куда.

Теперь эта реальность (мать сыра земля), насквозь прошитая хтоническими мотивами, вошла к россиянам домой и расселась. Даже для слишком юных или старых вместо просвещения — телепропаганда и глянцевого культ смерти, мифология вместо истории.

И вот эти тетки. Что уже к психологам, если не к психиатрам.

Это некрофилия, про нее, в социальном смысле, Фромм все объяснил, это мортидо (в психоанализе психическая энергия, источником которой является гипотетический инстинкт смерти), про него у Фрейда и Кляйн хорошо сказано. Так говорит

мой товарищ, психолог Николай Щербаков.

По нему выходит, что эти тетки-горгоны не могли не появиться. Психоаналитик Бион, говорит Щербаков, еще 70 лет назад объяснил, как при психозе происходит атака на связи, на способности человека (общества) к связыванию, к интеграции. Верх берут деструкция и фрагментированность. А все живое, целостное, интегрирующее, креативное оказывается подавленным, вытесненным, репрессированным.

Ну или вот Мелани Кляйн, говорит Щербаков. Она, в общем-то не видя нас (но ничто не ново под луной), назвала это параноидно-шизоидной позицией — состояние первых месяцев жизни, когда младенец еще не различает внешнее и внутреннее и живет во фрагментированном мире, довольно бездушном и опасном, поскольку младенец проецирует свои чувства на внешние объекты и то идеализирует их, то люто ненавидит, боится и пытается уничтожить. Потом ребенка ждет депрессивная позиция: он начнет воспринимать мать как отдельное существо и даже ощущать некоторую ответственность за ее чувства — например, переживать, что сделал ей больно.

Наше общество, по Щербакову, проделало обратный путь: если в позднем СССР и в начале становления новой России в целом преобладала депрессивная позиция, более зрелая и ответственная, более умная, объемная, переживающая, то потом откатилось к параноидно-шизоидной. Все плоско, примитивно, конкретно и тупо, бессмысленные радости сменяются бессмысленными страхами.

Да, иначе у нас все-таки было. Была попытка.

6.

В сентябре 1990-го, работая в «Известиях», писал репортажи с I Всесоюзного съезда солдатских матерей. Но «Известия» еще

были советскими, давать не решились, и публиковали это в своем менее строгом приложении — «Неделе».

Несколько дней с утра до ночи — рядом с женщинами в черных платках с портретами сыновей. Их они несли перед собой. Лишь несколько стоп-кадров (судите сами, где мы сейчас, если взять то время за точку отсчета).

Вот матери стоят в одну шеренгу вдоль иконостаса. На фоне позолоченных икон великомучеников — черно-белые фото солдат с краткими подписями:

- «Володя Большаков. Зверски избит и еще живым утоплен в болоте»;
- «Виталий Павленко. Родился в 1969 году, в 1988-м изнасилован старшиной, затем повешен»;
- «Андрей Тишков. Убит и выброшен из поезда, следующего в Тернополь, старослужащими — вымогали деньги»;
- «Щибрик Саша. Замучен»;
- «Володя Леднев. Студент Одесского политеха. Избит, повешен на ремне»;
- «Дедов Владимир. Московский округ ПВО. Причина смерти не установлена. Военные ссылаются на слабое здоровье сына».

Матери, каждая с грузом (200) на сердце, приехали из Челябинска, Кишинева, Томска, Чимкента, Ленинграда, Риги, Южно-Сахалинска и т.д. По их сыновьям, убиенным воинам, служится панихида, для них в тот день поют хоры московских церквей — Троицкой и святого Трифона.

Вот две сотни солдатских матерей — кончается второй день съезда — траурной процессией, но динамично идут по Ярославской улице, сворачивают на Кибальчича, останавливаются у дома номер два, прозванного «генеральским». Здесь действительно живут генералы.

- «Ваши лампы окрашены кровью наших детей»;
- «Мы вам нужны как производители пушечного мяса» — мегафон переходит из рук в руки.
- «Дети, спросите своих отцов, за что они получили свои звезды?»;
- «Как вы спите, как едите?»
- И хором: «У-бий-цы! У-бий-цы!» Вызванная милиция держится стороны.

Вот матери уже на Красной площади. Обращаются к Верховному Совету СССР, и их слышат, о них и их требованиях говорят сразу, на утренней сессии. Затем женщины в черных платках идут к Минобороны. Требуют, чтобы министр Язов вышел к ним. Здесь — стена. Проходя вдоль зданий Генштаба и Главпура, матери кричат встречным генералам и полковникам. Безрезультатно.

Солдатские матери на улицах Москвы. Фото: соцсети

Вот митинг у метро «ВДНХ»: «Материнство — высшее предназначение женщины, но даже оно эксплуатируется государством. Государство должно знать, что для матери нет ничего дороже своих детей, и если государство отбирает и убивает их, матери объявляют неповиновение такому государству». «Этот съезд выше всех съездов в стране». «Поклонимся матерям Афганистана, раз правительство СССР не может. Покажем ему пример. Съезд просит прощения перед всеми матерями за 10 лет афганской войны».

66 матерей, что потеряли сыновей. Десятки, чьи дети вернулись облученными, покалеченными, сошедшими с ума. Десятки, чьи дети числятся дезертирами. Шестеро таких из семи, тайком добравшиеся до Москвы, выступают на съезде. Силовики — их тогда так еще не называли — пытаются отловить беглецов на выходе. Матери их отбивают, уводят через черный ход. Когда одного все же схватывают и увозят, подключают депутата Уражцева, и тот его вызволяет.

Призывают переходить на наемную профессиональную армию. И — отдать руководство Минобороны под суд за гибель детей. Призывают отказываться от осеннего призыва — если за ближайший месяц все требования матерей не будут приняты правительством. «Хватит!» Договариваются создать в каждой республике «фронт борьбы за детей», аналог скорой помощи: латышки будут помогать сынам грузинок и армянок, что служат в их краях, русские матери — украинским и казахским детям, узбечки — русским солдатам. А так-то, конечно, «будем писать друг другу, ездить друг к другу, спасать, укрывать детей. Вроде круговой поруки». Женщины обещают друг другу и всей стране, что будут собираться теперь каждый год в эти сентябрьские дни в Москве.

...Той же осенью, 1 ноября, солдатских матерей приглашает в Кремль президент СССР Горбачев. Они приходят в тех же черных платках, с теми же фотопортретами сыновей в траурных рамках, что стояли и в храме, и на Кибальчича, и у метро «ВДНХ». Теперь генералам Главпура, военной прокуратуры — их Горбачев тоже вызвал — приходится слушать и отвечать. Он поручает создать специальную президентскую комиссию по расследованию фактов гибели военнослужащих в мирное время. И обещает отдельный указ со срочными мерами. Он выходит через 15 дней. Потом Горбачев встретится с солдатскими матерями вновь.

Но это будет уже сентябрь 91-го, начнется совсем другое время. Девяностые.

А потом еще одно время, тоже другое. Три эпохи, три страны, три народа — или это все та же страна, тот же народ, те же матери?

Матерей сменили тетки. Сдержанные дамы,

никаких безумных инстинктивных порывов, и уже не бездна в глазах — конструктивность.

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

27 февраля в Москве состоялся вновь первый, только уже международный, «Конгресс представителей движения комитетов солдатских матерей». Предельно тихо, без задержаний и арестов, количество участников — 41, список госдеятелей (от депутатов до представителей Минобороны), приглашенных, но проигнорировавших съезд, впечатляет.

Судя по [резолуции](#), с военными налажена работа. Социально-бытовым управлением Минобороны матерей, конечно, не назвать, воздержусь от оценок, просто замечу: основное содержание съезда — это инициативная помощь армии, рассказы, как женщины собирают и передают ей гуманитарную помощь, открывают в Сысерти Свердловской области цех пошива одеял-невидимок (от тепловизоров, от «птичек»; образцы переданы в Грозный, и в «Ахмате» дали добро), «как женщины в регионах, помогавшие детям, инвалидам,

пенсионерам и женщинам, стали помогать армии. Зачем последние два года они помогают тем, кто уехал воевать, и как смерти близких не только не отторгают людей от войны, но еще больше подталкивают к помощи фронту» (это — [цитата](#) из пресс-релиза съезда).

Рудяное. Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

7.

В 90-е маленькие аэропорты в Сибири еще работали, и я уже на летном поле ждал, когда вертолетчики дооформиат в дощатой будке аэровокзала бумаги, проблемы с топливом; апрель, что ли, или начало мая, снега еще полно, но он уже таял, блестело в небе, журчало вокруг. Кого-то из пассажиров вдохновило, тоже пошел отлить. К лесополосе. Его остановил нарастающий жуткий грай. Не понял: или воронье, или грачи. Всей колонией снялись с гнезд и полетели на несчастного. Как он драпал! Вовремя поняв, что его заклюют или обдрищут с головы до ног. Пошел он, как вы поняли, без каски и защитных очков, без дуршлага на голове, где могли застрять их клювы.

Птицы, видимо, уже завели потомство. И увидели для него

угрозу в этом чуваче.

Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

Вспомнился Окуджава:

*Настоящих людей очень мало:
На планету — совсем ерунда,
На Россию — одна моя мама.
Только что она может одна?*

Похороны солдата Павла Жевнеровича. Кадр съемки из домашнего архива

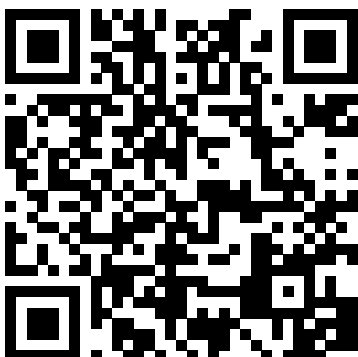
ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Что мы пережили! Как терпели? Зачем терпели?»](#)

Сто лет Астафьеву. Хорошо бы не только чтить его, но и читать: обращаемся к страстной переписке писателя с современниками

17:12, 30 апреля 2024, Алексей Тарасов

[Чиполлино и ШИЗО](#)

Попав во взрослую колонию, 18-летний Никита Уваров сразу получил штрафные сутки

10:31, 8 марта 2024, Алексей Тарасов

[Животка](#)

Он был на обложке «Ле Монд» как «поколение Навального», а сейчас пропал на СВО. Солдат Паша Жевнерович, мама и смерть

14:34, 16 января 2024, Алексей Тарасов